

П. И. САВВАИТОВЪ.

(НЕКРОЛОГЪ).

12-го іюля скончался членъ археографической комиссіи Павелъ Ивановичъ Савваитовъ, извѣстный нѣсколькими капитальными трудами по русской археологіи, народной словесности и бытовой этнографіи, и въ его лицѣ сошелъ въ могилу замѣчательный въ свое время работникъ на поприщѣ русской исторической науки въ широкомъ смыслѣ этого слова. Это не былъ, собственно, дѣятель, открывавшій новые горизонты или устанавливавшій новые взгляды; онъ даже слишкомъ осторожно двигался, въ теченіе своей жизни, вельдъ за новою разработкою близкихъ ему матеріаловъ; но тѣмъ характернѣе, тѣмъ устойчивѣе былъ однажды принятый имъ взглядъ и тѣмъ почтеннѣе, тѣмъ авторитетнѣе представлялось его полное преданности отношеніе къ избранной имъ научной области. По роду своихъ ученыхъ занятій, по своимъ научнымъ приемамъ и взглядамъ, П. И. Савваитовъ принадлежалъ сначала къ кругу, если можно такъ выразиться, Погодина, а выходящій въ настоящее время капитальный трудъ Н. П. Барсукова по біографіи этого знаменитаго дѣятеля такъ широко, разнообразно и живо изображаетъ этотъ циклъ главныхъ дѣятелей, славныхъ преемниковъ и второстепенныхъ работниковъ, что мы получаемъ въ восьми томахъ этой замѣчательной біографіи одну изъ наиболѣе ясныхъ и картинныхъ лѣтописей русскаго просвѣщенія. Въ книгахъ Н. П. Барсукова содержится разнообразное богатство всякаго рода свѣдѣній, указаній и даже объясненій устами самихъ современниковъ всего того знаменательнаго движенія русскаго самосознанія, которое заявило себя съ такою яркостью въ дѣятельности По-

година. равно какъ въ этихъ книгахъ достаточно прославлены блестящія стороны этого періода и живо описаны его тѣневныя стороны, а потому намъ нѣтъ нужды ослаблять повтореніемъ характерное содержаніе повѣствованія этой біографіи. Въ ней съ достаточною полнотою указано, какъ и когда покойный Саввантовъ примкнулъ къ кругу Погодина, и въ данномъ случаѣ память о недавно умершемъ труженикѣ должна ограничиться воспоминаніемъ объ его собственной самостоятельной роли въ дальнѣйшемъ развитіи того же направленія и самой дѣятельности.

П. И. Саввантовъ былъ сынъ священника, родился 15-го февраля 1815 года въ Вологдѣ и, по окончаніи курса въ С.-Петербургской Духовной Академіи въ 1837 году, со степенью магистра богословія, былъ назначенъ профессоромъ философіи въ Вологодскую семинарію. Уже тогда покойный Саввантовъ началъ изучать народную словесность и древнерусскую письменность и когда Погодинъ, во время своего путешествія по сѣверной Россіи въ 1841 году, познакомился въ Вологдѣ лично съ покойнымъ, тотъ послѣдній уже былъ тѣмъ страстнымъ собирателемъ и былинъ старыхъ временъ, пѣсенъ, сказокъ, притчей и поговорокъ, которымъ онъ остался до конца своей жизни. Саввантовъ выступилъ на арену литературной дѣятельности въ журналѣ Погодина *Москвитяинъ* при самомъ его появленіи: то были, изданныя вологодскимъ корреспондентомъ, собранныя имъ *пѣсни, дорожныя замѣтки изъ Вологды до Устюга, свидѣнія объ Устьинскомъ уездѣ, о вологодскихъ церковныхъ древностяхъ* и др. Погодинъ „взялъ съ него слово приготовить Вологодскій сборникъ“, съ тѣмъ чтобы помѣстить въ немъ грамоты, историческія извѣстія, народныя пѣсни, обряды, повѣрья. Сборника этого не состоялось, но въ разное время П. И. Саввантовъ издалъ рядъ тщательно составленныхъ работъ по мѣстной древности и старинѣ, таковы: „Описаніе Вологодскаго Спасо-Прилуцкаго монастыря“ (С.-Пб. 1844), „Описаніе Великоустюжскаго Архангельскаго и Троицкаго Введенскаго монастырей“ (С.-Пб. 1848), „Описаніе Тотемскаго Спасо-Суморина монастыря“ (С.-Пб. 1850), „Грамматика зырянскаго языка и зыряно-русскій словарь“ (С.-Пб. 1850), „Описаніе Семигородской Успенской пустыни“ (С.-Пб. 1856), „Описаніе Вологодскаго Спасо-Каменнаго Духова монастыря“ (С.-Пб. 1860) и др.

Въ 1842 году П. И. Саввантовъ былъ переведенъ въ Петербургскую духовную семинарію и въ теченіи двадцати шести лѣтъ занимался преподаваніемъ, продолжая, лишь въ свободное время, рабо-

тать въ бібліотекахъ, и совершая поѣздки съ этою же цѣлью по губерніямъ: Вологодской, Ярославской, Костромской и Владимірской. Въ 1858 году научныя занятія Саввантова установились болѣе систематично, со времени его избранія въ члены археографической комиссіи, для которой онъ выполнилъ цѣлый рядъ изданій, начиная съ наиболѣе капитальнаго изданія „Великихъ Миней Четіихъ“, которому положено образцовое начало, и кончая наблюденіемъ покойнаго археографа надъ изданіемъ новгородскихъ писцовыхъ книгъ и воспроизведеніемъ свѣтопечатью лѣтописи новгородской и пр. Но мы не будемъ останавливаться на этихъ занятіяхъ и работахъ Саввантова, въ виду ихъ второстепеннаго значенія въ дѣятельности его, а равно и на прохожденіи имъ служебнаго поприща со времени перехода покойнаго на службу въ ученый комитетъ министерства народнаго просвѣщенія, гдѣ онъ состоялъ, болѣе четверти столѣтія, правителемъ дѣлъ. Имя Саввантова связано по существу съ двумя учеными его трудами и, благодаря имъ, останется надолго, если не навсегда, въ нашей ученой литературѣ. То не были его прежнія, наскоро и въ извѣстномъ патетическомъ топѣ составленныя описанія старинныхъ монастырей, историческихъ мѣстъ и святыхъ, или изложеніе всякаго рода преданій и мѣстныхъ легендъ, подъ общимъ наименованіемъ народной старины, или опубликованіе нѣсколькихъ образчиковъ устной словесности, въ сопровожденіи ряда подобранныхъ условныхъ возгласовъ и общихъ мѣстъ, направленныхъ къ прославленію всяческой старины. Подобными посильными трудами на пользу русскаго историческаго самопознанія наша книжная литература по завѣту сороковыхъ годовъ наполнялась еще въ теченіи пятидесятихъ и даже шестидесятихъ годовъ; но Саввантовъ сѣумѣлъ перейти отъ этой стадіи къ изученію матеріаловъ русскаго стариннаго и древности и хотя не былъ въ силахъ воспринять вполне научныя приемы, въ то время съ такимъ блескомъ примѣненные къ исторіи политической, литературной и художественно-бытовой русскаго народа, однако шель, такъ сказать, въ уровень съ современными требованіями. Ранѣе накопленныя обширныя знанія помогли ему замѣнить недостатокъ спеціальнаго изученія и приемовъ детальностью его свѣдѣній историко-археологическаго содержанія и дать русскаго наукѣ трудъ замѣчательный.

Этимъ замѣчательнымъ трудомъ было изданное П. И. Саввантовымъ въ „Занискахъ Императорскаго археологическаго общества“ за 1865 г. (томъ XI), которыхъ онъ былъ въ то время редакторомъ,

извѣстное „Описаніе старинныхъ царскихъ утварей, одеждъ, оружія, ратныхъ доспѣховъ и конскаго прибора“, извлеченное изъ рукописей архива Московской оружейной палаты, съ *объяснительнымъ указателемъ*, иллюстрированное 12-ю таблицами рисунковъ, съ тремя приложениями: отрывка описи и двухъ рядныхъ записей XVIII вѣка. Уже само заглавіе показываетъ, что и здѣсь дѣло шло объ изданіи матеріаловъ для русской археологіи, а не объ изслѣдованіи въ этой области; и самые изданные источники слѣдовало бы назвать точнѣе „описаніями“ въ значеніи краткихъ, формальныхъ списковъ, составленныхъ для служебной цѣли, а не *описаніемъ*, такъ какъ это выраженіе предполагаетъ опредѣленный смыслъ возможно полной, близкой къ научному археологическому изслѣдованію, характеристики избранныхъ бытовыхъ древностей. Ничего подобнаго не предполагалось, и противъ перваго опыта изданія подобныхъ матеріаловъ архива оружейной палаты, въ извѣстныхъ „Выходахъ государей“ 1844 г., здѣсь видимый шагъ впередъ заключался только въ приложеніи важнаго указателя, съ объясненіями древнихъ названій. Дѣйствительно, объясненія этого указателя и составили, собственно говоря, славу этого труда: подъ именемъ объясненій издатель выложилъ, такъ сказать, всѣ собранные имъ матеріалы по происхожденію того или другаго названія и термина изъ арабскаго, персидскаго, греческаго и пр. языковъ, по употребленію термина въ древней Руси, съ выписями древнихъ текстовъ, по вопросу о формѣ, роли и значеніи даннаго предмета въ русской древности и русской старинѣ, объ орнаментациі и ея различныхъ способахъ, мастерствахъ и производствахъ и т. д. Все это разсматривается исключительно въ древнихъ текстахъ, но они расположены съ большимъ искусствомъ, сперва наиболѣе краткіе, единственно съ эпитетами, далѣе болѣе сложные, съ описаніями предмета и наконецъ, съ его детальнымъ описаніемъ въ связи съ орнаментациею его. Особенно внимательно, подробно и точно представлены платья и разныя матеріи, а также украшенія царскихъ, княжескихъ облачений, было бы излишне перечислять всѣ даже крупныя статьи о жемчугѣ, камняхъ драгоцѣнныхъ, камкѣ, ожерельяхъ, сукнахъ, шапкахъ и пр. и пр. излишне тѣмъ болѣе, что покойный авторъ въ теченіи тридцати лѣтъ, истекшихъ со времени появленія его драгоцѣнной книги въ свѣтъ, постоянно трудился надъ ея пополненіемъ и оставилъ почти готовую переработку этого труда. Мы не знаемъ, въ чемъ именно состоятъ эти дополненія, но врядъ ли ошибемся въ общемъ заключеніи, что они должны были идти въ прежнемъ направленіи, которое

мы назовемъ историко-филологическимъ, въ отличіе отъ собственно археологическаго. П. И. Савваитовъ настолько овладѣлъ интереснымъ дѣломъ подбора древнихъ текстовъ по обширной терминологіи русскихъ древностей, что любилъ и могъ даже приводить ихъ наизусть, перебирать одинъ текстъ за другимъ. ради самой характерности, звучности и яркой простоты выраженій. Это было, дѣйствительно, столь увлекательное занятіе, что остановившись на немъ, не хотѣлось покидать его и отъ поэзіи языка, дивнаго своею картинностью, переходить къ сухому археологическому анализу реального предмета. Правда, и здѣсь П. И. Савваитову можно было бы сдѣлать гораздо больше, если бы не затягивать въ долгій ящикъ изданія готоваго матеріала и не медлить работою, но будемъ благодарны и за то, что имѣемъ, и то, что можемъ получить съ посмертнымъ изданіемъ. Мы знаемъ, что покойный трудился долго надъ подысканіемъ ясныхъ текстовъ къ такимъ малонзвѣстнымъ и вовсе неизвѣстнымъ терминамъ русской древности, которые составляютъ доселѣ пункты преткновенія для археолога. Если онъ будетъ имѣть въ этихъ текстахъ опору, его изслѣдованія откроютъ, наконецъ, источники того необозримо широкаго, могучаго, какъ сама страна, потока, котораго начало восходитъ въ глубину вѣковъ.

Второй замѣчательный трудъ П. И. Савваитова составляетъ изданіе въ свѣтъ „Путешествія новгородскаго архіепископа Антонія въ Царьградъ въ концѣ XII столѣтія, съ предисловіемъ и примѣчаніями“ (С.-Пб. 1872 г.)—путешествія, хотя извѣстнаго ранѣе въ спискѣ XV вѣка, но остававшася неизданнымъ. И. П. Сахаровъ подарилъ Савваитову эту рукопись, и тотъ имѣлъ счастье издать въ свѣтъ одинъ изъ наиболѣе замѣчательныхъ памятниковъ русскаго паломничества. П. И. Савваитовъ снабдилъ текстъ этого паломничества обширными комментаріями историко-археологическаго содержанія, которые, для своего времени, представляютъ замѣчательную полноту и сообщаютъ издаваемому тексту характеръ „классическаго“ произведенія. Истолкователь черпалъ свои примѣчанія отовсюду: изъ монументальныхъ трудовъ Дюканжа, изданій Бандури и византійскихъ историковъ, Четьихъ Миней и Твореній отеческихъ, путеводителей и паломниковъ. Правда, комментаторъ не былъ самъ въ Константинополѣ, равнодушно относился къ сохранившимся памятникамъ, и, очевидно, былъ далекъ, почти намѣренно, отъ требованій современной критики, какъ и древній паломникъ, чуждый сомнѣній, когда ему разные „вожи“ повѣтствовали о церквахъ, сооруженныхъ Константиномъ, такъ какъ

для благочестиваго паломника и его истолкователя, святыня и древности Цареграда были безразлично достойны высокаго почтенія и удивленія.

Итакъ, искренняя преданность избранной области, преклоненіе предъ мудростью вѣковъ и святынею народнаго чувства составляютъ въ этихъ трудахъ источникъ живаго и яснаго пониманія и показываютъ намъ, какую силу имѣеть духовно-нравственное отношеніе историка къ избираемой имъ области.

Н. Кондаковъ.